

Ласточка в русской поэзии

© Л. Л. БЕЛЬСКАЯ,

доктор филологических наук

О домовитая ласточка!

Г. Державин

*Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.*

О. Мандельштам

В статье рассматривается многозначность образа ласточки в русской поэзии как символа души, свободы, творчества, любви, весны, трагического противостояния жизни и смерти (живая, слепая, мертвая ласточка), материнства, домовитости.

Ключевые слова: ласточка, русская поэзия, символическое значение, метафора, сравнение.

В русских народно-поэтических воззрениях на природу образ ласточки связан с приходом весны: «Где ласточка ни летает, а к весне опять прибывает». Отсюда фразеологизм «первая ласточка» (ранняя вестница какого-то явления), поговорка «первой касатке не верь», пословица «одна ласточка весны не делает». На эту пословицу ссылается, раскрывая ее смысл, И.А. Крылов в своей басне «Мот и ласточка»: «предтеча теплых дней», прилетевшая слишком рано, замерзла на снегу.

В русской поэзии первая ласточка появилась у Державина в одноименном стихотворении «Ласточка» (1792–1794). Она была описана красочно и подробно: красно-белая грудь, «колокольчиком в горлышке бьешь», *сидишь* на гнездышке, *трепещешь* крылышками, *щебечешь* и *поешь*. Поэт любит домовитой птичкой и, наблюдая за ее полетом, прибегает к глаголам настоящего времени: *вьешься* по воздуху, *даешь* смелые круги, *стелешься* долу, *несешься*, *плывешь* в небе, *реешь*, как молния. Ей можно позавидовать, так как она сверху видит все многообразие мира: и «лета роскошного храм», и черные бури, и приход скучной осени. Автор ласково именует ее *птичкой*, *певичкой*, *касаточкой* и *летней гостьей*. Зимой, как он думал, ласточки прячутся в «бездны подземные», там впадают в спячку и лежат во мраке бездыханными, хладными, как лед. А весной пробуждаются от «смертного сна». Стихотворение завершается параллелью: «Душа моя! гостья ты мира: / Не ты ли перната сия? / Воспой же бессмертие, лира! / Восстану, восстану и я...». А в стихотворении «На смерть Катерины Яковлевны» (1794) «ласточка сладкоголосая» ассоциируется с образом рано умершей любимой жены (ср. народную примету «Ласточка в окно влетит – к покойнику»): «О ты, ласточка сизокрылая! / Ты возвратишься в дом мой весной; / Но ты, супруга милая, / Не увидишься век уж со мной». Так державинская ласточка оказалась включенной в два параллелизма: ласточка как летняя гостья – и душа как гостья мира, бессмертная в поэзии; ласточка, вернувшаяся весной, – и возлюбленная, ушедшая навсегда.

Последующие поэтические поколения будут воспринимать Державина как певца ласточки, а иногда, стараясь не подражать ему, вступать с ним в состязание. К примеру, в XX веке В. Ходасевич поместит Державина в «садах, за огненной рекой» с ласточкой (а Катулла – с воробьем). А наша современница Елена Игнатова припомнит державинскую «домовитую» ласточку, которая, как смерть, «каждому сору и мимо-летящему трепету крылышек ведаёт место и вкус» и настаивает наших любимых (Памяти друга, 1975).

В XIX веке ласточки встречаются в песнях и романсах, где пташки щебечут про весну и зовут любовь, а героини прощаются и расстаются навек. К этому образу обращаются И. Дмитриев («Тише, ласточка болтлива...»), А. Дельвиг («Собирались пташечки...»; «Что вьешься, ласточка, к окну...»), Н. Греков («Вьется ласточка / Сизокрылая / Под моим окном / Одишенька»), А. Майков («Ласточка примчалась / Из-за бела моря» в цикле «Новогреческие песни»).

Ласточки упоминаются как «живые детали» весеннего и летнего пейзажа: «Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали» (А.К. Толстой), «И ласточки летают так отраднo» (Тургенев), «И одинокая звезда, и ласточка» (Огарёв), «Над прудом реют ласточки» (Некрасов), «Пророчат

ласточки свободу и покой» (Апухтин). Напомним также пушкинское сравнение Ольги из «Евгения Онегина» с ласточкой («Ольга к ней, / Авроры северной алей / И легче ласточки, влетает») и лермонтовские описания ласточкиных полетов, увиденных глазами романтических героев: Арсений, вздыхая о прежних днях, когда он жил одной жизнью с природой, следит, как резвая ласточка то вверх, то вниз «кидалась с дивной быстротой и в щели пряталась сырой, то, взвившись на небо стрелой, тонула в пламенных лучах» (Боярин Орша), а Мцыри замечает, как ласточки перед дождем «волны касались крылом». У позднего Кюхельбекера именно ласточка, не «ворон степной», как у Лермонтова, символизирует свободу: «Зачем же родился не птицею ты? Да, ласточкой, легкой касаткой» (Счастливицы вольные птицы, 1846). И, конечно, все помнят хрестоматийное «Травка зеленеет, / Солнышко блестит, / Ласточка с весною / В сени к нам летит» А. Плещеева (переложение стихотворения неизвестного польского автора).

Развитие державинской темы ласточкиной «домовитости» обнаруживаем в стихотворениях А. Майкова «Ласточки» (1856) и И. Никитина «Гнездо ласточки» (1856). Первое тоже вошло в школьные хрестоматии («Мой сад с каждым днем увядает...») – две ласточки весело хлопотали, строя гнездо, и растили птенцов, а осенью «полетели лутуньи», и их гнездо опустело. В конце звучит грустный возглас: «Они уж в иной стороне далеко, / О, если бы крылья и мне!». Никитинское «Гнездо ласточки» малоизвестно. Половину текста занимает повествование о старом мельнике и его заброшенной мельнице. Под ее крышей свила гнездышко певунья ласточка, образ которой, как это характерно для Никитина, включен в социальную атмосферу: «Поет, пока не выгнали, / Чужой-то кров – не свой», терпит нужду и в холодные, темные ночи прячет головку под крылышко и спит под стук и гром. Этой ласточке, в отличие от майковских, совсем не весело, и ее заботы очеловечены.

А вот Фет бросил на ласточек не социальный, а философский взгляд в стихотворении «Ласточки» (сб. «Вечерние огни», 1885). Вначале автор провозглашает свое знаменитое самоопределение «природы праздный соглядатай», потом наблюдает за летающими над прудом птицами и высказывает опасение, как бы их «молниевидные крыла» не задели водную поверхность. Из возможного соприкосновения ласточек с чуждой стихией рождается глубокая аналогия с поэтическим вдохновением:

Не таково ли вдохновенье
И человеческого Я?
Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь
Стихии чуждой, запредельной
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Способен ли художник силой своей творческой фантазии проникнуть в запредельные сферы? Вопрос остается без ответа.

Через несколько лет фетовскую картинку с летающими над водой ласточками (но без философского подтекста) повторяет молодой И. Бунин: «Ясным утром на тихом пруду / Резво ласточки реют кругом, / Опускаются к самой воде, / Чуть касаются влаги крылом...» (На пруду, 1893).

В начале XX столетия на некоторое время из русской поэзии «ласточки пропали». Старшие символисты вообще мало внимания обращали на птичье царство, а младшие предпочитали вещих и символических птиц. А. Блок как-то разглядел, что перед грозой «быстрый лёт касаток ниже»; А. Белый услышал «тревожный визг» ласточек, тонущих в бледно-розовом эфире; В. Иванов сравнил Эрота с орлом, жаворонком и ласточкой.

Редкие упоминания о ласточках у многих поэтов разных литературных течений выступают то в роли сравнений и метафор, то в качестве эстетического эксперимента: «И ласточки просвищут мимо / Американкою в окне» (М. Кузмин), «И прежние слова уносятся во мгле, / Как черных ласточек испуганная стая» (М. Волошин); «Как взглянули звезды-ласточки», «щебетнули звезды месяцу» (С. Есенин); «Лепил я твою душеньку, как гнездо касатка, / Слюной крепил мысли, слова слезинками» (Н. Клюев); «Когда у ласточек протяжное перо / Блеснет, как лужа ливня синего, / И птица летится лужей ноши, / И лег на лист летуньи вес...» (В. Хлебников. Слово о Эль); «Летит зеленая звезда сквозь тишину, / Как ласточка к окну – в счастливый дом» (Г. Иванов); «Ты так играла эту роль. / И, низко рея на руле, / Касаткой об одном крыле...» (Б. Пастернак).

У В. Маяковского ласточки являются образцом для подражания «бескрылой нации» – людям: обрести крылья и взмыть ввысь, создать летательные аппараты, обгоняющие птиц («оставляя и ласточку сзади»). А в поэме «Летающий пролетарий» (1925) медленно ползущие поезда уподобляются ласточке, поставленной на ноги, «чтобы она шла, ступая с ножки на ножку». Если Маяковский сопоставлял с ласточками летчиков, то Н. Асеев – пловцов: «Рассекая вразлет эту тишь, / ты ли – ласточкой – сверху летишь?» (Заплыв, 1926).

Совершенно другие ассоциации вызывают ласточки у И. Северянина: быстрая ласточка собирается в теплые края, и ее пугают красные кисти рябин (Трио диссона, 1909); плачет девочка, жалея птичку с «переломленными лапочками» (В парке плакала девочка, 1910); принцесса, «точно ласточка, в окно порхнула» (Поэза трех принцесс, 1915); ласточка не похожа на синих птиц, за которыми мы «неустанно бежим» всю жизнь, строя воздушные замки (Узор на канве, 1923).

В. Ходасевич продолжил фетовскую традицию, философски интерпретируя ласточкины порывы в небо (Ласточки, 1921). Можно ли уви-

деть ночь сквозь день? Ласточки напрасно рвутся прочь, пытаюсь «прободать» прозрачную прочную пленку, отделяющую день от ночи:

Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьим крылышкам, ни сердцем подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи –
Не станешь духом, жди, смотри в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи.

Но лишь для одного русского поэта образ ласточки стал постоянным, сопровождая его всю жизнь. Это был О. Мандельштам. В его ранних стихах мы видим сначала традиционное сопоставление души с ласточкой, совершающей перед грозой «неописуемый полет» («Под грозовыми облаками...», 1910), затем «трепещущую ласточку» в символистском духе, которая в темном небе, при черном ветре чертит круг («Смутнодышащими листьями...», 1911), и «длительные перелеты» птиц водным путем в Египет – «четыре дня они висели, не зачерпнув воды крылом» («От вторника и до субботы...», 1915).

Необычно выглядят ласточки в мандельштамовском отклике на революцию «Сумерки свободы» (1918). Как отмечает С. Аверинцев, «Ласточка, нежный и хрупкий образ души, свободы, поэзии, здесь является в иной, несвойственной ей, функции» [1]:

Мы в легионы боевые
Связали ласточек – и вот
Не видно солнца; вся стихия
Щебечет, движется, живет;
Сквозь сети – сумерки густые –
Не видно солнца и земля плывет.

Возможно, имелись в виду словесные баталии, в которых участвовали «мы», но в них не прояснялось, куда поворачивать руль страны-корабля во времена «лстейской стужи». И сам автор не ведал, «чего в стихах больше – надежды или безнадежности».

Позднее, в «Лстейских стихах» (1920) Мандельштам создаст собственный миф о ласточке, опираясь на свое увлечение античностью, на «домашний эллинизм». В первом стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» Психея попадает в подземное царство богини Персефоны, там ее встречает толпа теней и слепая ласточка «с стигийской нежностью и веткою зеленой» как воплощение любви и надежды. В римской мифологии ласточка – это птица, посвященная Венере, а также аллегория весны [2]. Мандельштам отправляет ее в мир мертвых, на берег Стикса – она жива и нежна, но слепа. Далее следует продолжение

темы в «Ласточке», где образ слепой ласточки связан не с Психеей, олицетворением жизни и души-беженки, а с поэзией – поэтическим словом и мыслью: «Я слово позабыл, что я хотел сказать, / Слепая ласточка в чертог теней вернется, / На крыльях срезанных, с прозрачными играть», «И мысль бесплотная в чертог теней вернется», «Все не о том прозрачная твердит, / Все ласточка, подружка, Антигона...». Но слепая ласточка вдруг оборачивается мертвой.

Еще раз мотив живой-мертвой ласточки возникнет в стихотворении «Чуть мерцает призрачная сцена...» (1920), отразившем впечатления от оперы Глюка «Орфей и Эвридика» и ощущение, что весна бессмертна, что вечно звучит ария «Ты вернешься на зеленые луга». И, может быть, растает снег и оживет ласточка: «И живая ласточка упала / На горячие снега». В этих пронзительных словах (сплошные ударные «а») переданы и боль, и радость, «хрупкое веселье русской культуры посреди гибельной стужи русской жизни» (С. Аверинцев). Так отдаленно, чуть слышно аукнулась у Мандельштама державинская аналогия – ласточка и мысли о смерти и бессмертии.

Не менее важная ипостась мандельштамовской ласточки – ее связь с внешним и внутренним обликом знакомых ему реальных женщин (и это тоже державинская традиция). Она фигурирует в стихах, адресованных А. Ахматовой (ласточка «отвязала мой челнок» – «Что поют часы-кузнечик...», 1918), О. Арбениной («Серой ласточкой утро в окно постучится» – «За то, что я руки твои не сумел удержать...», 1920), О. Ваксель («И твердые ласточки круглых бровей»; «Возможна ли женщине мертвой хвала?...», 1936).

Вероятно, не без мандельштамовского влияния «залетели» ласточки в поэзию А. Ахматовой и М. Цветаевой, которые внимательно читали его стихи и подчас вступали с ним в поэтический диалог, а Цветаева называла его молодым орлом, лебедем, вороненком. В ахматовской поэме «У самого моря» (1914) умирающему царевичу героиня кажется птицей, и он стонет: «Ласточка, ласточка, как мне больно!». И сама поэтесса будет сравнивать себя со свободной ласточкой («Теперь никто...», 1916). А в позднем творчестве напишет: «Там ласточкой реет старая боль» (Путем вся земля, 1940) и пообещает не смущать людей после своей смерти «ни ласточкой, ни кленом, ни тростником» (В 40-м году), а в Полночных стихах (1963) о радостях давно прошедшей любви скажет так: «Днем перед нами ласточкой кружилась, / Улыбкой расцветала на губах».

И у Цветаевой первые ласточки тоже появились в 1914 году и тоже в связи со смертью: прилетели они в марте и принесли с собой «детский лепет», а в ноябре «сизокрылые касатки – за моря» и малютку унесли с собой (Его дочке). И также будет именовать себя ласточкой (и Психеей): «Возлюбленный! Ужель не узнаешь? / – Я ласточка твоя – Психея!»

(«Не самозванка – я пришла домой...», 1918). Для Цветаевой, как и для Ахматовой, ласточка несет с собой молодость и волю, и любовь. «Без слов и на слово – / Любить ... Распластаннейшей / В мире – ласточкой!» (1922); «Скоро уж из ласточек – в колдуньи! / Молодость моя! Простимся накануне...» (1926).

Правда, есть в цветаевской поэзии и вовсе непривычная, странная метафора «ласточки интриги»: «Ночные ласточки Интриги – / Плащи, крылатые герои / Великосветских авантюр...» (1918).

Если среди цветаевских ласточек преобладают метафорические, то у В. Набокова (поэтический псевдоним Сири́н – «птичье прозвище мос») реют реальные, но очеловеченные птички, рассказывающие «иноку ласковому» о своих полетах над монастырем, об осеннем перелете в Царьград и Назарет, о возвращении обратно, на север, в апреле: «И, не понимая птичьих / маленьких и звонких слов, / ты нас видишь над крестами / бирюзовых куполов» (Ласточки, 1920).

А другая ласточка была увидена на мосту, и герои клялись запомнить ее навсегда: «И как мы заплакали оба <...> Как вскрикнула жизнь на лету...» («Ласточка» из романа «Дар»).

Литература

1. *Аверинцев С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // *Мандельштам О.* Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 40.
2. *Керлот Х.Э.* Словарь символов. М., 1994. С. 285.

Окончание следует

*Цфат,
Израиль*